ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В III 632

БОР. ЕВГЕНЬЕВ

ПУЛЕМЕТЧИК ХАНПАША

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1948

«Обуглись, но выстой!»
Чеченская поговорка.

1

Сеанс кончился. Зажгли свет. Взволнованная тишина, царившая в мерцающем, волшебном сумраке кинозала, мгновенно сменилась шумом голосов, скрипом стульев, шарканьем ног. Все спешили, толпясь, толкаясь в проходах, выйти из духоты на свежий воздух.

Молодежь собралась у фонаря, под светящимся опаловым шаром, окутанным облачком мошкары. Хотели пойти в соседний аул Кошкильды — поплясать на площади при свете звезд, разжечь костер у подножия тополей, выпить молодого вина, спеть любимые песни.

Все были в сборе. Не было только главного затейника, музыканта и плясуна — Ханпаши.

— Ханпаша! Ханпаша! Ханпаша!

Ханпаша Нурадилов слышал, как друзья звали его. Ему даже почудилось, что он узнал милый девичий голос, дважды повторивший его имя. Звук этого голоса наполнял душу Ханпаши тревожной радостью, словно то был таинственный голос счастья, веселого счастья, звонкого, чистого, как горный ключ. Но и на его призыв Ханпаша не откликнулся в этот вечер. Ему хотелось быть одному. Он вышел из кино последним, быстро свернул с освещенной площадки на боковую дорожку и

784961

остановился в густой тени старых акаций, никем не замеченный, не видимый никому.

Над его головой тихо прошелестела черная листва словно кто ласково погладил ее. Ханпаша поднял голову. Глубокое небо. Яркие звезды... В отдалении слышен смех, неясный гул голосов. Грустно и сладостно вздохнул оркестр: в клубе начались танцы. А где-то совсем близко, в темноте, плывет шмелиное гуденье бессонных моторов в машинном отделении нефтекачки. У входа в резервуарный парк неподвижно стоит часовой.

И весь этот маленький мир, привычный, ставший родным, казался Ханпаше в этот вечер далеким и даже чуждым.

Он медленно пошел по каменистой дороге. Полынью, снегом горных вершин дохнул в лицо ему ветер. Покой, тишина...

Но в ушах Ханпаши все еще звучал заливистый звон колокольцев чапаевской тройки, яростная трескотня пулемета. Он видел перед собой человека с прекрасным, смелым лицом воина. В бурке, летящей по ветру, в заломленной назад папахе, этот человек птицей несся на белом коне, и враги рассыпались перед ним, как ворох осенних листьев, гонимых ветром. Вот он плывет, выбиваясь из сил. Вражьи пули пенят воду кругом него. «Врешь! Не возьмешь!» говорит он, стойкий, жадный к жизни и в свой смертный час. И сердце замирает от горя, когда видишь, как холодные волны Урала смыкаются над его головой. Нельзя не любить его. Нельзя не радоваться его кипучей жизненной силе. Нельзя не горевать о нем...

Бывает так: вдруг увидишь в другом человеке воплощение своей мечты о жизни. И, невольно преклоняясь перед этим человеком, завидуя ему, думаешь: если другой добился того, к чему ты стремишься, то ведь и ты можешь добиться того же. А стоит только подумать так — и сразу чувствуешь себя сильным, спо-

собным одолеть любые трудности. И уж близкой кажется желанная жизнь. Вот она! Захоти — и схватишь ее рукой... В жизни Чапаева Ханпаша увидел свою мечту о жизни. Да, это была та самая жизнь, которую он желал всеми силами души. Жизнь воина — яркая, быстрая, как сверканье шашки в конной атаке.

Ханпаша поздно вернулся в общежитие. Долго не мог уснуть. Да и не хотелось спать... Он лежал и мечтал. Вот он скачет, пригнувшись к седлу, на взмыленном коне впереди эскадронов Еланя. Развертываясь на ходу, неудержимой лавой несутся они вперед, на Лбищенск — мстить врагу за смерть Чапая. Следом за ними в вихре пыли летят пулеметные тачанки. По ветру вьются гривы коней. И степь гудит от топота конских копыт... Потом, опоясанный пулеметной лентой, с тяжелым маузером в руке, он мчался в атаку, плечо к плечу с любимым своим героем Асланбеком Шериповым. Над зеленым кукурузным полем взлетали дымки: то отстреливались белоказаки, отступая под натиском горстки храбрецов. И в душе Ханпаши, как песня, как клятва, звенели слова, сказанные Асланбеком: «Мы будем мюридами революции, будем бороться за честь и свободу, как боролись наши предки!»

Недолог век героя... Вражеская пуля сразила Асланбека. И вот Ханпаша идет позади всех в траурной процессии, медленно движущейся берегом Аргуна. Кругом пустынные горы. Летят облака над ущельем. Внизу ревет и пенится, бьется о камни бешеная река. Над обнаженными головами молчаливых людей печально шумят влажные ветви орешника. Рядом с телом Асланбека, уложенным на тачанку и по чеченскому обычаю покрытым буркой, ведут его боевого коня...

Славная смерть, святая смерть! Разве страшно отдать жизнь в бою за правое дело?

Ханпаша вскакивает с кровати, бесшумно подходит к окну. Темная ночь. Чуть слышно шелестит поредевшая

листва акаций. Там, за горами, на далеком севере, сред красных сосен и черных елей, одетых снегом, сражается с белофиннами его старший брат — Мухтарпаша. Он защищает город Ленина. Счастливый Мути!

Ханпаша снова ложится. Накрывшись с головой одеялом, он с горечью вспоминает, как четыре раза относил заявление в военкомат, чтобы его взяли в армию добровольцем, и как четыре раза слышал все один ответ: «Подожди — молод».

★

Кто не помнит бессонных ночей юности? Радостных, тревожных ночей, когда кажется, что сама судьба подошла к изголовью, когда давно облюбованная цель жизни, еще днем казавшаяся далекой, почти недостижимой, вдруг становится близкой, как свет утренней зари...

У Ханпаши требования к жизни были ясными, простыми, как и весь строй его юной души. Он хотел быть воином так же, как другие его сверстники хотели быть инженерами, агрономами, писателями или художниками.

Он хотел быть мюридом советской отчизны. Мюридами в старину на Кавказе назывались последователи почитаемых народом вождей, давшие обет беспрекословного повиновения. Ханпаша дал в душе обет беззаветного служения отчизне в рядах ее защитников, в рядах Красной Армии.

В этом, как видно, сказался неукротимый, воинственный, рыцарски благородный дух его народа, передававшего из поколения в поколение обычаи борцов за свободу родной, прекрасной земли.

Потребуй, родина, всего меня, —
Мне счастья большего не надо! —

поется в чечено-ингушской народной песне.

Пушкин, Лермонтов, Толстой создали бессмертные образы этого народа-свободолюбца, ставшие для нас символами дикой вольности и непоколебимого мужества. Не было и нет у этого народа слова более презренного, чем слово «трус», и более гордого, чем слово «храбрец». Матери говорили своим сынам, что пуля врага не страшна человеку, у которого в груди бьется честное сердце. Седобородые почтенные старцы учили молодежь доблестной правде жизни: «Имея оружие, храни его при себе, не вынимай без нужды и не прячь со стыдом. Только за правое дело иди в бой, и тогда не затупится сталь твоей сабли, не сломится острие кинжала, и меткой будет пуля твоего ружья».

И эта благородная, смелая любовь к свободе была не только в песнях и поучениях, — она была повседневной жизнью народа, горением юности и утешением старости. Она была в ласках матери, в тепле домашнего очага и в первых словах любви. Она была в свежем дыхании ветра, прилетевшего с гор, в немолчном шуме стремительных рек, в шелесте старых деревьев. Она была душой чечено-ингушского народа.

Мы знаем теперь, что жизнь не обманула Ханпашу. Жизнь дала ему все, что он хотел, к чему стремился, как и каждому в нашей стране, каждому, чье стремление к счастью неразрывно связано с благом народа и родины, щедрой к своим бескорыстным и верным сынам. И такой была эта жизнь, что сколько бы ни прошло лет над снежными вершинами родных гор Ханпаши, народ свято будет хранить память о нем. И, быть может, великий поэт грядущих времен сложит о жизни чеченского юноши такую же величественную песнь, как те бессмертные песни о героях древности, которые слагал слепой певец, бродя по дорогам Эллады с длинным посохом в руке и козьей шкурой на плечах.

2

Ханпаша родился в горах, у самой границы Чечено-ингушской республики, в селении Ярыксу-аух. Детство и школьные годы прошли в ауле Минай-Тугай, на скалистом крутом берегу горной речки Яман-су.

Белые сакли. Каменистые узкие улочки. Высокий, тонкий, как свеча, минарет. Кругом — пустынные, поросшие кустарником горы.

Из своей сакли он днем и ночью слышал певучий рокот горной реки, слышал, как на старых тополях у мельницы перекликаются скворцы. А выглянув из маленького оконца, видел в прозрачной синеве неба немыслимо прекрасные очертания белых, снежных вершин.

Отца, бедного крестьянина, Ханпаша не помнил. О матери своей, Гизару, он сохранил память на всю жизнь. Он гордился, что в его жилах текла горячая кровь Гизару. Когда впоследствии Ханпаша слушал старинные песни о подвигах народного героя Мюстирга, он всегда вспоминал свою мать. Мать Мюстирга, узнав, что родной аул окружен врагами, разбудила на рассвете сына и так сказала ему:

— Встань, мой сын, не лежи, не покойся,—
Черный день настал для аула!
Девять месяцев тебя я во чреве носила,
Как орлица над гнездом неприступным,
Над твоей колыбелью я склонялась,
Белой, жирной пищей тебя кормила...
Прокляну тебя проклятьем материнским,
Если в черный день будешь трусом!

И Мюстирг пошел в бой и сложил голову за отчизну, и стало имя его бессмертным в памяти народа. Что ж, доживи Гизару до тех счастливых дней, когда ее маленький Ханпаша стал смелым джигитом, и она послала бы его в бой с врагами отчизны. Она ведь была такой же верной дочерью своего народа, как и старая мать Мюстирга. В годы гражданской войны Гизару, как

мужчина, носила за поясом пистолет. Защищая детей, она одна отбила нападение вооруженной банды на свою саклю. А когда белые захватили аул Минай-Тугай и стали из пушек стрелять по Ярыксу-аух, где она жила с детьми, Гизару не убежала с народом в горы. Детей она отправила в соседний аул, а сама не захотела уйти из родных мест. «Только трус убегает от смерти, — сказала Гизару односельчанам. — Лучше бы вам, мужчинам, собраться вместе и отразить врага, чем в страхе прятаться в горах».

Она не только дарила Ханпаше тепло материнской ласки, — она первая принесла к его колыбели обычаи древней боевой славы родного народа.

В долгие зимние вечера, когда ледяной ветер свистел в горных ущельях и особенно грозно ревела река, Гизару рассказывала детям о героях прошлого. Пламя плясало в очаге. Красные отблески, черные тени метались по стенам и низкому потолку. И детям казалось, что это красные джигиты сшиблись в рукопашной схватке с черным воинством врагов.

Гизару рассказывала о неграмотном алдынском пастухе Ушурме, известном под грозным для врагов именем Шейх-Мансура, о храбром джигите из Майертупа — знаменитом Бейбулате, слава о котором разнеслась далеко за пределы Чечни. Они любили свой народ, и эта любовь давала им силу в кровавой упорной борьбе с врагами горской вольности. Чаще других заглядывала в эти зимние вечера в маленькую дымную саклю тень Шамиля. Память о его героической жизни, целиком отданной освободительной борьбе, воспитавшей многие поколения героев, снова и снова будила в сердцах детей благородную жажду подвига во имя родины.

Маленький Ханпаша слушал рассказы о героях, лежа на коленях матери. Многого он не понимал. Но то, что понял, запало в его душу золотым зерном мужества и отваги.

Позднее Ханпаша услышал имена других героев, — услышал, полюбил и принял их в свое сердце. Это были герои ожесточенной борьбы чечено-ингушского народа с врагами Ленина, с врагами Октября. Киров и Орджоникидзе были любимыми героями чеченцев и ингушей. Народ шел за ними в бой. Народ сложил о них прекрасные песни и легенды.

Об их великой мудрости и мужестве, о безумной отваге кавалерийских атак Аслановца, о героях-горцах, которые шли в бой в обагренных кровью повязках, пели девушки и народные певцы, играя на пондаре. О них говорили в школе, о них рассказывали ребятам, пасшим скот, старики-пастухи у пастушьего костра, затерянного в громадной пустыне гор.

Казалось, самый воздух родины Ханпаши, чистый горный воздух, полон дыханием нетленной славы героев. Ханпаша был убежден, что главное достоинство человека — воинская храбрость. В детстве это выражалось в том, чтобы лихо промчаться на неоседланном коне по крутой узкой улице селенья, переплыть горную речку, совершить с ватагой сверстников ночной набег на сады соседнего аула. В дни юности это убеждение стало верой, скрытым жаром сердца.

В родном ауле любили Ханпашу. Он был живым, веселым парнем, щедрым и верным в дружбе. Ханпаша ловко танцовал, хорошо играл народные мелодии на пондаре. «Он был быстрым, как искра», говорят односельчане, вспоминая о нем.

Ханпаша рано осиротел. Отца заменил старший брат Мухтарпаша — Мути. Односельчане также не оставили без внимания и заботы осиротевшего мальчика. В лице своей соседки Дзебу Эдилгиреевой Ханпаша нашел вторую мать.

В жизни больше ждешь и стремишься, чем пользуешься плодами достигнутого. И нужно немало душевных сил, чтобы жить, не отступая от своих стремлений

Ханпаша хотел быть воином, а жизнь в родных местах была мирная, трудовая. Каждый честно исполнял свой трудовой долг. Должен был трудиться и Ханпаша.

★

В широкой голой степи стоят огромные нефтяные баки. За каменной стеной высится стеклянный светлый корпус — машинное отделение. В тени акаций белеют домики рабочих, общежития. Это нефтекачка, одно из звеньев нефтепровода Грознефти.

Здесь работал Мути машинистом. Сюда пришел на работу и Ханпаша. Братья жили в чистенькой, скромно обставленной комнате общежития.

Все здесь было новым для Ханпаши. Но он твердо знал: эта новая жизнь не уведет его в сторону от избранного пути. Терпение и выдержка необходимы хорошему воину. Кроме того, в машинном отделении так весело гудели дизеля, так нарядно блестел начищенный металл, что Ханпаше невольно хотелось пройти вместе с рабочими мимо охраны и самоуверенной походкой мастера своего дела подойти к машинам.

Но на работу в машинное отделение его не брали по молодости лет. И Ханпаша пас скот рабочих нефтекачки.

Что ж, и прославленный герой Шейх-Мансур был пастухом... И, наверное, Шейх-Мансур был хорошим пастухом, и люди со спокойным сердцем доверяли ему свое богатство, свои стада. Он честно исполнял долг мирного труда, а когда его призвала родина, Шейх-Мансур стал бесстрашным воином и обессмертил свое имя в веках. Величие души героя открывается во всех его делах — и в малых и в больших. И каждый свой долг, который жизнь возлагает ему на плечи, он исполняет строго и честно.

Так говорил Мути, когда Ханпаша жаловался на судьбу. И в словах Мути была правда и справедливость, — этого не мог отрицать Ханпаша.

— Хорошо, Мути, ты прав, слова твои справедли вы, — говорил он. — Я буду ждать своего часа, гото виться к нему. Но ведь каждое растение на горных пас бищах хочет иметь больше тепла и света. Так и я хоч знать больше, чем знаю теперь. Учи меня, Мути, тому что знаешь сам.

Мухтарпаша согласился. В свободное от работы время он приходил с младшим братом в машинное отде ление и учил его работе у аппаратов. Ханпаша был по нятлив и настойчив. Не прошло и месяца, как он мо бы при нужде заменить брата на работе.

Потом Мухтарпашу призвали в армию. На далеко севере враги напали на советскую землю. И родина по звала Мути. Что ж, она не ошибется в нем. Мути силь ный и смелый. Никто лучше Ханпаши не знает, како золотое сердце у Мути. Он постоит за честь родной советской земли. А если будет нужно, не пожалеет и жизни своей. Ханпаша проводил брата в Хасав-Юрт. Он стоял в толпе провожающих, гордясь братом, завидуя ему. И чувство тревожной нежности и тоски разрывало его сердце, когда он смотрел на улыбающееся, взволно ванное лицо Мути, стоявшего в двери теплушки.

Проводив Мути, Ханпаша первым делом пошел в военкомат и подал еще одно заявление с просьбой отправить его на фронт вместе с братом. И, как всегда, получил отказ.

Вечером его вызвал к себе заведующий нефтекачкой Литовченко.

— Ханпаша, — сказал он, — ты очень нетерпелив. Подожди, придет и твой черед. А пока поработай на нефтекачке, замени брата. Своим трудом ты поможешь победе над врагами. Да и квалификацию приобретешь. Будешь хорошо работать — пошлем тебя на курсы.

Ханпаша слушал молча. Все правильно, все верно, что говорит начальник. Конечно, он заменит брата. Конечно, он будет хорошо работать: ведь он брат бойца

и сам будущий боец Красной Армии. Ну, а что касается квалификации и курсов, на этот счет у Ханпаши свои планы...

В машинном отделении нефтекачки несут вахту трое: машинист, его помощник, масленщик. Поначалу Ханпаша работал масленщиком. Он следил за правильной подачей масла, проверял смазочные механизмы. На вахту он становился подтянутый, строгий. Так, наверно, Мути стоит на боевом посту. Работал Ханпаша хорошо. Добился снижения расхода масла на 50 процентов в месяц. Вскоре он был переведен в помощники машиниста.

Ханпаша хотел работать как можно лучше, а для этого нужно было иметь как можно больше знаний. Он изучил токарное и слесарное мастерство. У старшего машиниста выпрашивал технические книги и, плохо еще зная русский язык, упрямо старался разобраться в них.

Мухтарпаша мог гордиться младшим братом. Сила внутренней убежденности не позволяла Ханпаше ни при каких условиях жизни снизить уровень требований к себе, простить себе плохую работу.

Была еще одна могучая сила, которая вела и направляла Ханпашу на его жизненном пути.

Этой силой был коллектив рабочих нефтекачки и комсомол, в ряды которого вступил Ханпаша.

Родной аул подарил юноше чистую радость героической мечты, заронил в его горячую душу драгоценные зерна славных традиций чечено-ингушского народа.

Вступив в рабочий коллектив, юноша понял, что человеческий труд священен и ничто в жизни не дается без труда, что трудовой долг требует мужества не меньшего, чем долг воина.

Комсомол научил юношу тому, что геройство, подвиг прекрасны не сами по себе, а тем, что служат общему благу, народу, родине. Став комсомольцем, Ханпаша почувствовал, что он вступил в духовное братство с луч-

шими из лучших сынов советской отчизны. И он стал еще строже, еще требовательней относиться к себе.

★

В октябре сорокового года Ханпашу призвали в армию.

Этот день светлой теплой южной осени был началом исполнения его желаний.

Ханпаша чувствовал себя, как человек, который, странствуя по безводной степи, долго и терпеливо сносил мучения жажды и вдруг нашел свежий источник... Ханпаша был сдержан, серьезен, как и подобает мужчине-воину в торжественный час. Но каждым своим движением выдавал живую радость, охватившую все его существо.

Односельчане напекли ему в дорогу лепешек. Он уложил дорожный мешок. Прощайте, друзья! Завтра чуть свет он покинет родные места.

И случилось так, что за день до отъезда Ханпаши вернулся из армии Мути. Мути редко писал брату. Ханпаша знал, что Мути был ранен в боях под Выборгом, что в составе 5-го мотоциклетного полка он участвовал в прорыве линии Маннергейма. Но о том, что такое война, легко или трудно воевать и как воюет он сам, — об этом Мути никогда не писал. И вот теперь он сидел перед Ханпашой — живой, здоровый Мути! Только чуть побледнел, похудел после госпиталя, глаза ввалились, и нос стал больше... Нет, было еще что-то новое в Мути, чего раньше Ханпаша не замечал в нем. Не то Мути повзрослел, не то стал строже, замкнутей... Как будто он знал и видел что-то такое, чего Ханпаша не поймет, чему не поверит, пока не увидит сам. Но глаза Мути, когда он смотрел на младшего брата, были прежними, светились прежней лаской.

Братья проговорили всю ночь. Вернее, говорил Мути, а Ханпаша слушал. Мути говорил о войне, как о вели-

ком и тяжелом труде, говорил о незаметном мужестве и терпеливой выносливости будней войны, в которых проявляется подлинная сила духа бойца.

Не такой представлял себе Ханпаша войну. Может быть, добрый Мути чего-нибудь не досмотрел, что-нибудь не так понял? Нет, этого не могло быть. Вот у Ханпаши в руках бумага, которая прямо подтверждает, что Мути — хороший, смелый воин. В ней написано, что Мухтарпаша Нурадилов за проявленные доблесть, мужество и честное выполнение боевого долга перед родиной получил благодарность от Военного совета Ленинградского военного округа и денежное вознаграждение от НКО.

Мути — герой. Что ж удивительного? Ханпаша ни минуты не сомневался в том, что так оно и будет. Ну, а сам он — окажется ли он достойным почетного звания бойца Красной Армии? Это еще предстояло проверить на опыте жизни, потому что мечты — это одно, а жизнь — другое.

3

«При действии конницы в конном строю станковым пулеметам подготовить атаку с дальних дистанций, затем быстро выброситься уступами на фланги и впереди сабельных подразделений содействовать атаке фланговым огнем».

Скупым, ясным языком военного приказа изложена тактическая задача учебных маневров. И вот над пустынным снежным полем в хрустальной тишине раннего мартовского утра звонко пропела труба. Застоявшиеся кони сразу — единой волей, одним дыханием — рванулись с места. В то же мгновение из-за синей тучки с золотыми краями брызнули первые лучи солнца. И кони, распластавшиеся в летучем стремительном беге, стали золотыми. И казалось, что белое поле, и бирюзовое

небо, и прозрачная роща на холме—все понеслось, поле тело в ослепительном блеске и сверкании. Над лавиной золотых коней мгновенно вспыхнули голубые молнии то шашки вылетели из ножен. Протяжный крик пролетел над полем, замирая вдали. И столько было веселья и силы, молодецкой удали и грозной красоты в этом безудержном стремлении вперед, что, глядя на атаку конников, хотелось крикнуть, запеть.

Вдруг откуда-то сбоку, с фланга, вырвались пулеметные тачанки. Грохочущим вихрем, в радужном облаке мельчайшей снежной пыли помчались они вперед.

Наблюдавшие за учением еще издали узнавали знаменитую в полку четверку вороных. Казалось, что она, как смелая, дикая птица, летит по воздуху, что колеса тачанки отделились от земли и спицы их слились в сверкающие круги. Жутко становилось при мысли, как это люди ухитряются усидеть, удержаться на этой тачанке. Вот лихо развернулась она на всем ходу, и четкая пулеметная дробь хлестнула по снежному полю...

И наблюдатель, довольно улыбаясь, с гордостью говорил: «Орел наш Ханпаша! Орел!»

Нет в полку другой тачанки, которая была бы так же заботливо пригнана, прилажена, смазана, а потому и легка и быстра на ходу, как тачанка ездового Ханпаши Нурадилова. И не было в полку другой такой упряжки, таких сытых, обласканных коней, как четверка вороных Ханпаши. Должно быть, слово колдовское знал джигит Ханпаша. Никогда не оскорблял он лошадь ударом кнута. Но стоило ему только сесть на тачанку, разобрать вожжи, и у лошадей словно крылья вырастали. Да и сам ездовой преображался. Дикой смелостью загорались его глаза, жаркий румянец заливал строгое смуглое лицо, и весь он, подобранный, сильный, ловкий, олицетворял собой яростную отвагу.

— Ну, уж, видно, и характерец у тебя, дружище! Не хотел бы я встретиться с тобой в бою, — не раз гово-

рил ему после ученья первый номер пулеметного расчета, наводчик Степан Котельников. А Ханпаша молчал, улыбаясь милой, застенчивой улыбкой. Стоило ему сойти с тачанки, и он снова становился тихим, скромным юношей...

★

Маневры, учебные походы — это, так сказать, праздники армейской жизни. Кого не взволнует пьянящая удаль конной атаки? Но ведь есть еще и будни, есть много однообразных дней напряженной, невидной работы, без которой, однако, не быть тачанке крылатой. На этой работе проверяются качества бойца. В ней успех боевой подготовки воина.

В личном составе станковопулеметного отделения ездовой значится под шестым, последним порядковым номером. Значит ли это, что он «последняя спица в колеснице»? Нет. От ездового, от его умения и сноровки, от его мужества и стойкости может зависеть не только жизнь расчета, но и успех боевой операции. И командир расчета, и оба наводчика, и подносчики патронов, и коновод, и ездовой — все должны действовать слитно, согласованно, как хорошо сыгравшийся оркестр.

И вот, очутившись в большой, дружной, строго и умно организованной армейской семье, где один отвечал за всех и все за одного, Ханпаша очень скоро понял, как прав был Мути, когда говорил о войне, как о трудной работе. Путь к воинскому мастерству, а от него к воинской славе лежал через нелегкий труд. Но это был его путь, и никакие трудности не могли ни остановить, ни испугать Ханпашу.

Не было ни одной обязанности ездового, которую он не учился бы выполнять быстро и хорошо. Заботливо следил он за сохранностью сбруи и тачанки. Никогда не выезжал на учение, не разузнав о характере местности, дороги, по которой ему предстояло ехать. Никто из

бойцов его подразделения не мог сравниться с ни в умении замаскировать месторасположение лошадей тачанки от воздушного и наземного наблюдения.

Но главное внимание Ханпаша уделял своим четверо ногим друзьям. За всю зиму не было случая, чтобы корм его лошадей попали смерзшиеся комья овса или сена. На остановках и привалах во время учебных мар шей он очищал копыта лошадей от льда и снега. Как бы Ханпаша ни уставал после утомительных походов, он никогда не забывал обтереть потных и разгоряченных лошадей соломенными жгутами, покрыть попоной, поводить, прежде чем привязывать их на ночь.

Шаг за шагом, терпеливо и настойчиво шел чеченский комсомолец к заветной цели — стать умелым, хорошим воином.

★

Полк Ханпаши стоял на богатой и привольной украинской земле. В полку он встретил людей со всех концов огромной Советской страны. Тут были русские и украинцы, белоруссы и таджики, грузины и туркмены. Всех объединял не только общий воинский долг, но и братская дружба, которая обязательно возникает в сердцах молодых людей, связанных одними интересами, одной жизнью. Все они любили свою великую родину, и у каждого из них в душе, в тепле и радости, хранилась память о заветном уголке родной земли. У одного это были светлые березки над сонной рекой, у другого — пустынные барханы, у третьего — знойный берег синего моря. Был и у Ханпаши такой уголок. И когда он рассказывал о нем, бойцы начинали любить немолчный шум быстрой реки, снежные вершины гор, словно парящие над миром в прозрачном небе. Любили бойцы слушать песни, которые пел Ханпаша. Стихали разговоры, смех, и, хоть непонятен был язык песни, всех захватывал простой ритм дикой мелодии.

И немолчными дубровами
Горцы шли
И нагорьями суровыми
Горцы шли.
Со знаменами багровыми
Горцы шли.
С пистолетами кремневыми
Горцы шли...

В белом дыму цветущих садов, в соловьином пении, в голубом сиянии коротких бессонных ночей прошла праздничная украинская весна. И уже раннее лето дохнуло горячим, томительным зноем, когда грянула война.

4

По дорогам войны шел Ханпаша со своим кавалерийским полком — с запада на восток. И вместе с ним брело по тем же дорогам горькое народное горе. В огне горели уютные украинские хаты. Под железной пятой вражеских танков гибли вишневые сады. Обездоленные матери уносили из родных мест детей.

Много воевали в горах Кавказа. Но Ханпаша никогда не слышал, чтобы в горах воевали с женщинами и детьми, убивали пленных, грабили, насиловали. Черный враг, перед жестокостью которого бледнели самые мрачные рассказы о былых войнах, шел по советской земле. И Ханпаша понял, что этот враг не должен знать снисхождения и пощады. Его нужно безжалостно истреблять. Таков справедливый закон войны за жизнь, за свет...

★

На Украине, за Днепром, враг наседал на конников полка, в котором служил Ханпаша.

В опьянении первых обманчивых успехов немцы рвались вперед. Медленно отходили кавалеристы на восток, изматывая врага в упорных битвах. Дни и ночи проводили они на марше, в бою. Горькими были эти дни для

Ханпаши. Ему хотелось копытами коней, колесами тачанки давить, топтать врагов, поливать их горячим пулеметным огнем, гнать, гнать их с советской земли. Не приходилось отходить. И ни одного врага Ханпаша не сразил еще своей рукой. Он похудел, почернел за эти дни, замкнулся в себе...

На рассвете конники остановились в лесу, у речки. Был получен приказ: контратаковать противника, любой ценой задержать его, чтобы дать возможность перегруппироваться соседним пехотным частям. Это было первое сражение, в котором Ханпаша должен был принять участие. Наводчик Степан Котельников исподтишка наблюдал за ним. Но ни тени робости или неуверенности не заметил он в поведении ездового. Ханпаша даже повеселел как будто. Смуглое лицо его утратило выражение суровой замкнутости. Пользуясь коротким роздыхом, он взял ведро и пошел к речке. Был тихий час осеннего рассвета. Под ногами шуршала опавшая листва. Золотые листья плавали у берега в темной холодной воде. Ханпаша зачерпнул воду и долго стоял, слушая, как звонкие капли падают с ведра в реку. Все притихло вокруг, как перед грозой. Ханпаше казалось, что на него надвигается что-то большое, неотвратимое, то самое, к чему он готовил себя всю свою короткую жизнь. Но он не испытывал ни страха, ни тревоги. Только на сердце было горячо. И в душе звучал строгий голос чести:

«Пришел твой час, Ханпаша. Готов ли ты встретить его, как положено воину?»

...Тачанка Ханпаши — в засаде, на опушке леса. Умные лошади стоят неподвижно. Уже отчетливо видны цепи наступающих немцев, но командир медлит. Ханпаша нетерпеливо перебирает вожжи. Нагнувшись вперед, он словно тянется навстречу врагу.

— Рано еще, не горячись. Пусть ближе подойдут, — спокойно говорит Ханпаше командир пулеметного расчета.

Наконец долгожданный сигнал. По лощине на пригорок, занятый немцами, взлетает тачанка.

И вот уже слова команды — «пулемет, к бою с тачанки» — тонут в треске пулеметных очередей, в криках и стонах немцев, не ожидавших внезапного удара с фланга. Страх охватывает их. Немцы бегут. Что может быть слаще зрелища отступающих врагов? Пьянящая радость победы, упоение боем наполняют Ханпашу безудержной отвагой. Нет такой преграды, которой он не мог бы одолеть! Он взмахивает вожжами, развертывает тачанку и на всем ходу врезается в боевые порядки немцев. В вихре вражеских пуль проносится тачанка, опрокидывая, давя колесами немецких солдат, в упор расстреливая их из пулемета. А эскадрон сабельников, выскочив из-за леса, на лету крошит бегущих вражеских солдат. И только когда в лентах не остается ни одного патрона, когда пеной покрываются бока лошадей, Ханпаша ловко, как на смотру, делает левый разворот, спускается в лощину и возвращается в расположение своей части.

Измученные лошади стали, как вкопанные. Расчет спрыгнул с тачанки и поспешно наполняет коробки патронами. Один Ханпаша не слезал со своего места. Он всеми своими помыслами был еще в бою, там, где он видел спины бегущих от него немцев...

Бойцы, не без тревоги следившие за вырвавшейся далеко вперед тачанкой, окружили ее, поздравляли Ханпашу с боевым крещением. Командир эскадрона, старший лейтенант Нагивин, благодарил его за храбрость. Наводчик Степан Котельников хлопнул Ханпашу по плечу и спросил: «Что, брат, любо немца бить?» А Ханпаша, усталый и счастливый, молча озирался по сторонам. Так горный орел, взлетевший высоко в небо, где, обласканный ветром и солнцем, он долго парил в безмерном пространстве, смотрит, вернувшись к гнезду, на тесную землю...

★

Первые же месяцы войны показали, что красная конница сохранила славные традиции русской кавалерии.

День и ночь в походах, почти не расседлывая коней, делая переходы по восьмидесяти километров в сутки и после этого сразу, без отдыха, вступая в бой с пехотой и мотомехвойсками противника, — так сражались наши конники, защищая советскую землю. И не только отбивали они яростные атаки врага, но и сами переходили в наступление, нередко оставаясь хозяевами поля боя, и всегда сохраняли за собой свободу маневра.

И с каждым новым днем, прошедшим в тяжелом походе или кровопролитном бою, Ханпаша все больше радовался тому, что ему выпала честь быть в рядах красной конницы. С жадным вниманием слушал он во время походов или на отдыхе рассказы Степана Котельникова о боевой славе русских кавалеристов.

— В Берлин первым кто вошел в 1760 году? — спрашивал Котельников и отвечал сам себе: — Наш брат, кавалерист! Пятнадцать сражений выиграла конница прусского короля Фридриха II, а от лихой казачьей атаки удирала во все лопатки!

Он рассказывал и о ратных подвигах суворовской конницы, которая славилась не менее непобедимой пехоты великого полководца, и о славных конниках-партизанах 1812 года — о летучих конных отрядах Давыдова, Фигнера, Сеславина, сыгравших роль могильщиков наполеоновской армии. Рассказывал, как в дни обороны Царицына товарищ Сталин с гениальной прозорливостью оценил значение и могущество конных войск и заложил основы будущей конной армии, которая стала одной из главных сил в разгроме врага на всех фронтах гражданской войны.

Когда Ханпаша спрашивал, откуда он все это знает, Котельников отвечал:

— Интересовался—вот и знаю. Привычка, брат, такая у меня: интересоваться нутром всех дел и вещей, которые душевно люблю.

И Ханпаша хорошо понимал его. Он сам был таким же. Теперь он твердо знал, что знание, труд — это путь к совершенству. В первом номере пулеметного расчета, наводчике Степане Котельникове, Ханпаша видел тот образец воина, к которому стремился сам.

Котельников и в самом деле был отличным бойцом. Был он из рабочих и с гордым достоинством носил это прекрасное звание, зная цену золотым своим рукам и пытливому, острому уму. Знатный фрезеровщик прославленного на весь Союз ленинградского завода, он и в армию принес строгие навыки замечательной культуры труда, сознательной дисциплины и уважения к своей работе. Боевой свой долг он исполнял с тем блеском, с тою кажущейся легкостью, которые являются ничем иным, как следствием упорного труда, терпения и честной любви к своему делу. Ханпаша всегда, в бою или на привале, с невольным восторгом следил за красивой работой этого высокого, складного парня с розовым скуластым лицом. Ханпаше нравились неторопливые и ловкие движения больших умелых рук Котельникова, спокойный, чуть насмешливый взгляд его светлых серых глаз. Это был умный, смелый воин, — как же Ханпаше не любоваться им, не любить его?

Была у Ханпаши заветная мечта: изучить пулемет. Он хорошо стрелял из винтовки, но пулемет в его глазах был тем оружием, овладеть которым должен каждый боец, стремящийся уничтожить как можно больше врагов.

Он обратился к Котельникову с просьбой научить его мастерству пулеметчика.

— Научу, — сказал Котельников, — научу, только буду строго спрашивать.

Ханпаша старался изо всех сил, и Котельников, хотя

и был требовательным учителем, не мог пожаловаться на своего ученика. Как-то раз он сказал Ханпаше:

— Молод ты, а душа у тебя правильная. Сумел ты покорить свои мечтания терпением и трудом. Что ж, прямо скажу: нужна для этого душевная сила. А есть душевная сила — будет из тебя толк, будешь хороший бойцом.

С тех пор началась крепкая дружба Ханпаши с Котельниковым, и Ханпаша в сердце своем называл Степана братом.

5

Шел декабрь сорок первого года, славный месяц героических победных боев Красной Армии в снегах Подмосковья.

Немцы изо всех сил рвались к Москве. Тринадцать танковых, тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий бросил враг против войск нашего Западного фронта. Но русские люди встали неодолимой стеной на защиту Москвы. И на подступах к столице развернулось одно из самых яростных сражений, какое только знает история.

В боях за Москву доблестные войска Западного фронта одержали победу.

Эта великая победа вдохновляла на подвиги бойцов Красной Армии на всех фронтах отечественной войны.

В то самое время, когда отборные гитлеровские части, потрепанные и обескровленные, откатывались от Москвы, оставляя в снегу разбитую технику и тысячи трупов своих солдат, кавалеристы генерала Крюченкина на Юго-западном фронте тоже гнали врага с советской земли, очищая села и города от фашистской нечисти.

По целым дням не отрываясь от пулемета, плечо к плечу со Степаном Котельниковым, бил немцев второй номер пулеметного расчета Ханпаша Нурадилов.

Сбылась мечта Ханпаши: он стал пулеметчиком. Те-

перь своими руками он истреблял ненавистных врагов.

С тем же чувством ответственности, с которым он брался за каждое дело, Ханпаша исполнял обязанности помощника наводчика. Ни одна мелочь не казалась ему не стоящей внимания. Он заботливо подготовлял выбранную для установки пулемета площадку, проверял маскировку пулемета, изготовлял пулемет к стрельбе. Как бы ни было жарко в бою, он не забывал внимательно следить за правильностью снаряжения и движением ленты во время стрельбы, за правильным положением прицельных приспособлений.

И как же весело было Ханпаше видеть безотказную работу пулемета в бою, когда под его метким огнем бежали, падали на мерзлую землю злые обовшивевшие вражеские солдаты!

Славными боевыми делами прославили себя кавалеристы в эти декабрьские дни.

Немецко-фашистское командование группировало части в районе Ельца и готовило удар для захвата Воронежа.

6 декабря — в тот день, когда под Москвой части Красной Армии начали победоносное контрнаступление, — конники генерал-майора Крюченкина нанесли врагу фланговый удар из района южнее Ельца в северо-западном направлении. Одновременно с ними сводный кавалерийский корпус полковника Кулиева совместно с танковой частью ударил по немцам в юго-западном направлении. Конники-крюченковцы с хода разгромили 95-ю пехотную дивизию немцев и, преследуя остатки ее, вышли в район Россошное, отрезали путь отхода 45-й пехотной дивизии противника и совместно с кавалерийским корпусом полковника Кулиева замкнули кольцо вокруг вражеской группировки.

В результате елецко-россошинской операции были уничтожены 45-я, 95-я и 13-я пехотные дивизии противника. Немцы в этой операции потеряли 12 тысяч уби-

тыми и ранеными и огромное количество вооружения. Когда Ханпаша услышал об этих итогах славной боевой операции, он пережил чувство радостного удовлетворения, которое охватывает хорошо и честно поработавшего человека, знающего, что в общем успехе есть доля и его труда. Это чувство немного утешило Ханпашу в его горе. А горе у Ханпаши было большое, — первое настоящее горе, которое не утопить в слезах, которое смертной тяжестью давит на сердце и учит ненависти и мести врагу.

В бою погиб названный брат Ханпаши — Степан Котельников.

★

В селе Захаровка засели немцы. Они хорошо укрепили село и зорко наблюдали за подступами к нему. При малейшей тревоге с бешеной злобой начинали строчить немецкие пулеметы, и мины с воем летели к нашим позициям. И все же много раз пулеметный расчет Степана Котельникова вплотную подбирался к селу. Ловко меняя позиции, отважные пулеметчики поливали укрепления немцев смертоносным огнем.

Пришел приказ выбить немцев из села. Под прикрытием пулеметного огня конники в пешем строю пошли в атаку. В разгар боя вражеские минометчики накрыли пулемет Котельникова. Первая мина разорвалась где-то позади, и только осколки ее со злым свистом пронеслись над головами пулеметчиков. Вторая ударила перед самым пулеметом. На какое-то мгновение Ханпаше почудилось, что земля качнулась под ним и поднялась в вихре снега и мерзлой земли и что он падает в темную бездну. Немецкие автоматчики ринулись в контратаку, пользуясь тем, что пулемет замолчал. Ханпаша слышал хриплые крики немцев; пули свистели над ним. Стряхнув оцепенение, он приподнялся и осмотрелся кругом. Немцы!.. Болела голова, и горячая струйка крови текла по лицу. Ханпаша вытер кровь рукавом полушубка и со

стоном рванулся к пулемету. У пулемета, пригнув голову к груди, лежал Котельников. Ханпаша приподнял его за плечи, посмотрел ему в лицо и понял, что Степан отслужил свою трудную службу. Бережно, словно боялся разбудить, поцеловал Ханпаша друга в лоб и лег, прижавшись к неподвижному телу Степана в снег, за пулемет. Он хотел, чтобы в этом бою друг был рядом, чтобы друг видел, как Ханпаша будет мстить за его смерть. От потери ли крови, или ненависть была тому причиной, но Ханпаше представлялось все окружавшее его в каком-то красном тумане. Красное небо, красный снег... По красному снегу идет цепь немецких автоматчиков... Ханпаша не стрелял, он ждал. И когда немцы были совсем близко, он вдруг запел свою любимую песню — дикую, грозную песню — и открыл огонь. И ему казалось, что это воля его подавала пулеметную ленту, гнала патрон за патроном в ствол и выбрасывала из дула меткие злые пули. Много немцев полегло от первой же пулеметной очереди. И Ханпаша кричал от гневной радости, видя, как немецкие автоматчики, взмахивая руками, роняя автоматы, валятся на бегу — кто ничком, головой в снег, кто боком, словно поскользнувшись на льду.

Немцы не выдержали, отошли, залегли в снег. А он стрелял и стрелял, не давая им возможности подняться. Когда немецкие мины снова завыли над его головой, он ползком переменил позицию, таща за собой тяжелый пулемет, и стрелял, стрелял не переставая. Он потерял счет времени, он видел только свой пулемет и врагов, которых хотел истребить всех, до последнего солдата. Потом он вдруг услышал дружный раскатистый крик и топот ног. Это наши бойцы бросились в атаку на немцев под прикрытием огня его пулемета. А что было потом, Ханпаша не помнил.

Вечером в отбитом у немцев селе бойцы пожимали руку Ханпаше, а старший лейтенант Нагибин сказал ему:

— Сегодня на твой счет записано сто двадцать немцев...

— Служу Советскому Союзу! — негромко, но четко отвечал Ханпаша. Глаза его лихорадочно блестели на бледном, осунувшемся лице, тупо болела забинтованная голова, а на сердце были горе, тоска... Он думал о том, что сто двадцать немецких жизней — слишком малая цена за благородную жизнь названного брата.

6

«За проявленную отвагу в боях за отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава», как сказано в приказе товарища Сталина, кавалерийские корпуса генерал-лейтенанта Белова, генерал-майора Героя Советского Союза Доватора, генерал-майора Крюченкина и отдельная кавалерийская дивизия подполковника Борисова были преобразованы в гвардейские.

Из рассказов Котельникова Ханпаша знал, что гвардия — это лучшее, отборное войско, заслужившее своей боевой славой честь сражаться на самых опасных, ответственных участках фронта.

Бойцам своего расчета Ханпаша сказал:

— Если ты до того, как стал гвардейцем, убивал в бою одного врага, то теперь, как гвардеец, ты должен убивать двоих, а то и троих, чтобы по тебе равнялся каждый боец. Вот что такое гвардеец!

Слава воина не в речах, а в деле. И Ханпаша старался боевыми делами оправдать доверие Сталина, давшего ему, чеченскому юноше, рядовому бойцу, звание гвардейца.

По приказу командования конники-гвардейцы должны были овладеть селом Т., занятым немцами. Страшась русских морозов, немцы всеми силами старались удержаться в селе, в теплых хатах, чтобы не очутиться

в снежных полях, в лесах, скованных стужей, где их ожидала верная смерть.

Кавалеристы наступали ночью, в пешем строю. Немцы забросали их минами, встретили на подступах к селу ожесточенным пулеметным огнем. Весь расчет Ханпаши погиб в этом бою. Один с тяжелым пулеметом продолжал он продвигаться вперед, выбирая удобную позицию.

Только изготовился он к стрельбе, как слева, метрах в пятидесяти, застрочил немецкий пулемет и пули взвихрили снег вокруг Ханпаши. Но и Ханпаша не остался в долгу, послав длинную очередь. Как видно, он стрелял лучше своего противника. Немецкий пулемет замолчал. Ханпаша снова переменил позицию. Взвились осветительные ракеты. Немцы искали смелого пулеметчика и забросали минами то место, которое Ханпаша только что покинул. Спокойствие и выдержка помогают хорошему бойцу с успехом использовать в бою каждое обстоятельство. Яркий свет, который разливали немецкие ракеты, повиснув в ночном небе, помогал Ханпаше отыскивать новые цели и уничтожать пулеметными очередями огневые гнезда противника. Всю ночь шел бой, и за ночь Ханпаша истребил пятьдесят немцев и заставил замолчать четыре вражеских пулемета.

Это была уже не только смелая удаль, — это было гвардейское мастерство. За этот бой Ханпаше было присвоено звание сержанта, и его наградили орденом Красной Звезды.

★

Много воды утекло с тех пор, как Ханпаша пришел в Красную Армию. Гвардии сержант Нурадилов разве что только внешне был похож на горячего, восторженного ездового пулеметной тачанки.

Ханпаша приобрел немалый опыт, но это не мешало ему продолжать учиться. Спокойный и решительный,

беззаветно смелый и осторожный, он упорно овладева воинским уменьем, никогда не останавливался на до стигнутом, всегда стремился к большему, к лучшему.

Каждый новый его подвиг свидетельствовал о заме чательном воинском мастерстве.

В одном из боев в феврале сорок второго года эт мастерство проявилось во всем своем блеске.

Конники его полка прорвались в немецкий тыл и за няли дорогу, которая вела к вражеским базам снабже ния. Немцы старались во что бы то ни стало освободить дорогу. Против гвардейцев были двинуты крупные си лы пехоты. Несколько часов длился горячий бой. Нужно было нанести наступающей немецкой пехоте удар с фланга. С этой целью кавалеристы решили отойти и пе-регруппироваться. Ханпаше было поручено задержать гитлеровцев.

У него осталось всего шесть пулеметных лент. Каждый патрон он расходовал умно и расчетливо, подпуская немецких солдат чуть ли не вплотную к своему пулемету.

Кончились патроны. Ханпаша закопал пулемет в снег и переменил позицию. У него еще оставались гранаты. Когда немецкие солдаты, ободренные молчанием пулемета, смелее двинулись вперед, он пустил в ход «карманную артиллерию». Одна за другой взрывались гранаты, брошенные его меткой рукой, и много солдат в зеленых шинелях осталось на поле боя. Уцелевшие немцы снова были вынуждены отступить. Ханпаша подобрал несколько автоматов убитых им врагов, и, когда немецкие солдаты, понукаемые офицерами, еще раз двинулись вперед, он встретил их метким огнем. Ханпаша был ранен в руку. Но он продолжал стрелять одной рукой до тех пор, пока его товарищи внезапным лихим ударом с фланга не опрокинули и не смяли немецкую пехоту.

В этом бою Ханпаша истребил до двухсот немецких солдат и офицеров.

Чтобы по достоинству оценить этот подвиг Ханпаши, нужно суметь представить себе двадцатилетнего юношу одного под сумеречным зимним небом, среди сугробов, изрытых пулями и осколками мин. Он смертельно устал, замерз. Окоченевшие пальцы плохо повинуются. Одна рука у него прострелена, и каждое движение причиняет нестерпимую боль. Он один перед лицом разъяренного врага, от которого нечего ждать пощады. Но он силен и непобедим, этот юноша-воин. Силен своим уменьем воевать, своей верой в правое дело, за которое воюет.

И еще вот что: Ханпаша не просто стойкий воин, отлично владеющий воинским мастерством, — он воин Красной Армии, носитель светлой идеи справедливой войны.

Ханпаша — кандидат в члены партии большевиков. В этой партии были любимые герои его юности—Киров и Орджоникидзе, Асланбек Шерипов и Василий Чапаев. Эту партию создал Ленин. И теперь под водительством Сталина члены этой партии в первых рядах идут в бой за жизнь советского народа. Разве имеет он право, вступив в ряды партии, плохо воевать?

★

В одном из боев на исходе зимы Ханпаша оказался с четырьмя товарищами во вражеском кольце. Их спасение зависело только от них самих.

Ханпаша приказал бойцам вырыть окопы поглубже.

— Дождемся ночи, — сказал он. — Ночью пробьемся к своим.

С наступлением сумерек немцы начали наступать. Без единого выстрела они ползли к окруженным бойцам, прячась за неровностями почвы и сугробами снега. Было

что-то жуткое в этом медленном и безмолвном движении подкрадывающегося врага.

— Пропали... Конец нам, — услышал Ханпаша за своей спиной. Он быстро обернулся и прямо перед собой увидел бледное, искаженное страхом лицо молодого бойца Плотникова.

Глаза Ханпаши вспыхнули гневом, черные брови сошлись на переносице. Жестокое слово готово было сорваться с его губ. Но он пересилил себя и, положив руку на плечо Плотникова, сказал:

— Не падай духом, друг! Драться будем — не пропадем. Становись рядом со мной.

И он подал бойцам команду открыть огонь.

Плотников занял позицию рядом с Ханпашой, и Ханпаша учил его, как выбирать цель, подпуская врага на близкое расстояние, чтобы бить его наверняка. И сам Ханпаша стрелял, и каждый его выстрел намертво клал немецких солдат одного за другим.

Плотников стоял в окопчике рядом с командиром и старался подражать его спокойствию и выдержке. Как только он начал стрелять, страх его прошел, и ему стыдно было вспоминать о своем поведении перед боем. Желая искупить вину, он старался стрелять как можно лучше.

— Есть у нас на Кавказе такая поговорка: «Обуглись, но выстой», — сказал Ханпаша.

— Обуглись, но выстой! — с восторгом повторил Плотников, глядя восхищенными глазами на командира. И он не мог сдержать радостной улыбки, когда Ханпаша похвалил его, увидев, что немецкий автоматчик упал на мерзлую землю, сраженный пулей Плотникова.

Немцы отступили. Ханпаша повернулся лицом к товарищам и вытер рукавом потный лоб.

— Слушайте! Я вам о Гамзате расскажу! — весело произнес он. — Часто мать пела мне песню о нем. Как-то раз враги окружили его с горсткой друзей.

«Сдавайтесь! — враги им кричали.
Их пули в кольчуги стучали. —
Довольно сверкать вам очами.
Нет крыльев у вас за плечами,
Чтоб в небо взлететь вам, ретивым,
Когтей нет, чтоб в землю уйти вам...»

— «Вы забыли, — крикнул Гамзат в ответ врагам, —

Что крымские ружья — нам крылья,
Что когти нам — шашки кривые,
Что мы не сдаемся живые!»

— Вот как отвечали врагу наши отцы, когда им приходилось трудно в бою!

Голос Ханпаши громко раздавался в тишине сумерек над снежным полем, изрытым воронками от снарядов. И боец Плотников думал, что, наверное, этот кавказский герой Гамзат был похож на сержанта Нурадилова. Наверное, он был таким же молодым, смелым, человеком ясной и мужественной души, и с ним так же легко и не страшно было итти в бой на врага.

Ханпаша достал из кармана гимнастерки потертый на сгибах листок бумаги и, с трудом разбирая в сгущавшихся сумерках написанное, прочитал вслух письмо своей приемной матери:

— «Ханпаша, сынок мой дорогой, знаю, тяжело тебе без меня, — писала Дзебу. — Кто тебе стирает, кто заботится о тебе? Там есть, наверно, такие реки, как наш Терек. Ты купаешься в них. Смотри, сынок, простудишься...»

Ханпаша опустил руку с письмом и некоторое время молча всматривался в снежное поле, в котором притаились враги. Добрая улыбка осветила его лицо.

— «Этому проклятому немцу — копье в сердце! — читал он дальше. — Разрушил нашу жизнь. Бей, сынок мой, этих паразитов! Скорей уничтожай эту чуму, приез-

жай домой. Я выкормила для тебя ягнят. Приедешь победой, зарежу их, приготовлю тебе шашлык...»

— Хороший шашлык она готовила! — сказал Ханпаша и тихо засмеялся.

Теплые домашние слова письма взволновали бойцов и все они в эту минуту подумали о родных и близких над жизнью, над счастьем которых враг занес свою руку.

Внезапно тишину нарушил треск немецких автоматов. Пули запели над головами бойцов.

— Приготовиться! — скомандовал Ханпаша.

И когда на пригорке, освещенном мертвенным светом тусклого зеленого месяца, появились согнутые фигуры немцев, их встретил такой дружный и яростный огонь, что немцы опять отпрянули назад, оставив несколько трупов на снегу.

Ночью, когда месяц спустился к лесу и стал красным, как лужа крови, бойцы под командой Ханпаши приготовились дружным ударом прорвать вражеское кольцо.

Один из бойцов предложил оставить тяжелый пулемет. Ханпаша отказался.

— Кинжал на спине врага не оставляют, — строго сказал он. — Вперед, за мной!

В короткой рукопашной схватке бойцы пробились к своим.

★

Ханпашу любили в части, гордились им. На примерах его мужества и боевого мастерства воспитывались молодые гвардейцы.

— Наш Ханпаша! — так называли его бойцы и командиры.

— Беречь оружие, как сержант Нурадилов!

— Быть бесстрашным в бою, как наш Ханпаша!

Такие заповеди встречали новичков, приходив-

ших в часть. А ведь в этой славной гвардейской части не было недостатка в храбрых и мужественных людях.

Ханпаша ничего не писал домой о своих боевых делах. Он боялся, как бы его не заподозрили в хвастовстве. Его письма брату Мути и приемной матери были коротки. В них было больше вопросов об их жизни, чем рассказов о себе. И все-таки вести о подвигах Ханпаши дошли до его родного селения.

В полку, кроме него, был еще один чеченец, односельчанин Ханпаши — Айнаддин Баталов, сын учителя из аула Минай-Тугай. Он с детских лет любил живого и смелого Ханпашу, коновода ребячьих затей, а здесь, на фронте, Ханпаша был для него образцом всех воинских добродетелей. Айнаддин стал летописцем его подвигов. Половину писем, которые Айнаддин посылал домой, занимали рассказы о Ханпаше. Подробно описывал Айнаддин ратные подвиги своего друга. Молодежь селения Минай-Тугай с восторгом читала о том, как на далекой украинской земле бьет немцев их односельчанин, отважный юноша Ханпаша. Не только молодежь, но и почтенные старики с гордостью слушали вести о подвигах Ханпаши.

— Хорошая кровь течет в жилах Ханпаши, — говорили они. — Наша кровь, горная кровь. Где же показать себя мужчине, как не на войне? А такой войны, как эта, еще не бывало, — значит, и подвиги на этой войне должны быть невиданные.

7

Прекрасна весна в горах. Холодные зимние туманы голубым дымом поднимаются над ущельями и долинами, тают, расплываются, открывая взору снежные вершины гор в золотом сиянии солнца, и над ними — небо удивительной прозрачности и глубины.

Встанешь на горной тропе, согретой солнцем, зажмуришь глаза, и кажется, что летит, вьется вокруг легкий девичий хоровод. Звенят серебряные монисты в косах, слышен воркующий милый смех. Это поют ручьи, это летит по горам звонкий говор и лепет сотен прозрачных ручьев, прыгающих по камням, сбегающих вниз к реке. А на влажной земле, у кромки источенного солнцем снежного покрова, уже раскрыли хрупкие, словно фарфоровые, венчики горные подснежники.

С гор, из неприступных ущелий и расселин порой доносятся глухие раскаты, словно где-то там, в местах, не доступных человеку, идет единоборство весны, летящей по горам на белом скакуне, с воинством зимы, отступающим к границам вечных снегов...

Ханпаша часто вспоминал весну в родных местах, глядя, как над украинской степью в синем мартовском небе плывут белые паруса облаков. Он вернется в родные места, увидит любимые горы, когда ни одного врага не останется на советской земле. А пока его место там, куда зовет его воинский долг...

Тяжелы весной военные дороги.

Полая вода сковывала каждый шаг кавалеристов. Поля превратились в голубые сверкающие озера талой воды, каждый ручей в балке — в стремительный, бурный поток.

Но ни весеннее бездорожье, ни упорное отчаянное сопротивление немцев, цеплявшихся за каждый бугорок, не могли остановить конников-гвардейцев. Они теснили, гнали врага на запад. Они шли по направлению к Харькову.

В одном из боев разлившаяся вода мешала обойти лобовой огонь противника. Немцы закрепились на выгодной позиции в большом украинском селе и поливали конников пулеметным огнем. Два бойца из отделения Ханпаши вызвались уничтожить вражеский пулемет. Но выполнить эту трудную задачу им не удалось. Оба они

погибли, сраженные вражескими пулями. Не было недостатка в смельчаках, готовых заменить павших товарищей. Но Ханпаша не хотел рисковать жизнью бойцов. Он взял гранаты и сам пополз к пулемету врага. С тревогой следили красноармейцы за молодым командиром. Сливаясь с землей, искусно используя для укрытия каждую кочку, он подвигался вперед. Через несколько минут Ханпаша скрылся из виду. Прошло полчаса томительного ожидания. Все еще трещал, не умолкая, вражеский пулемет. Внезапно он замолчал. Но разрывов гранат, которые взял Ханпаша, не было слышно, и тревога охватила бойцов.

— Прощай, Ханпаша! — тихо сказал наводчик Липунов и, взглянув на побледневшие лица товарищей, опустил голову.

И вдруг сбоку, за гребнем окопа, послышался шум. Раздался веселый знакомый голос:

— Принимайте гостей, друзья!

Ханпаша! Он не только вернулся целым и невредимым, но и привел с собой пятерых хмурых немцев-пулеметчиков. Двое из них тащили пулемет.

В каждой руке Ханпаша держал по гранате. Он поднял их кверху, словно хотел бросить, и немцы шарахнулись в сторону, как испуганные бараны. Ханпаша засмеялся.

— Ох, и не любят они наших гранат!..

Высота, контролирующая дорогу, была теперь в наших руках. Ханпаша поспешил расположиться на ней со своим пулеметным расчетом.

Колонна немцев, не подозревавших, что высота захвачена нашими бойцами, двигалась прямо на пулемет Ханпаши. Немцы шли вольно, беспечно болтая. Вот они уж совсем близко.

— Открыть бы огонь, товарищ командир, — сказал наводчик Липунов, нервно потирая руки.

Ханпаша отрицательно покачал головой.

— Рано еще, не горячись! Пусть ближе подойдут.

В первом бою Ханпаши точно такими словами командир сдерживал его нетерпение...

— Огонь! — скомандовал Ханпаша, когда немецкие солдаты были в ста метрах от высоты.

Прямо в середину колонны врезался ливень пуль, прорубая просеки в плотных рядах немцев. Испуганные вопли, стоны раненых, замешательство, и колонна рассыпалась, распалась, обратилась в бегство. Ханпаша, увлеченный боем, сам лег за пулемет. Несколько раз он менял позицию, продвигаясь с пулеметом вперед, неутомимо преследуя огнем отступающих немцев.

Три вражеские минные батареи открыли по нему ураганный огонь. Осколок мины ранил Ханпашу в бок. Ранение было тяжелым. Полушубок, пропитанный кровью, замерз на холодном ветру. Но Ханпаша не вышел из боя до тех пор, пока разбитая немецкая колонна не отошла на дальний рубеж.

Бой затихал. Санитары положили Ханпашу на носилки. К носилкам подошел командир эскадрона, старший лейтенант Нагивин. Он нагнулся и крепко поцеловал Ханпашу перед строем бойцов.

— Скорей возвращайся к нам, Ханпаша! — сказал он.

— Я вернусь, я скоро вернусь! — хотел сказать Ханпаша и не мог. Он ослабел от потери крови. Он только молча пожал руку командира. Глаза на его бледном лице казались еще больше, еще ярче — в них горел неостывший огонь боя и радость победы.

Старший лейтенант Нагивин лично насчитал в секторе обстрела пулемета Ханпаши 300 трупов немецких солдат.

За этот бой Ханпаша был награжден вторым орденом — орденом Красного Знамени, и ему было присвоено звание старшего сержанта.

8

В жизни каждого человека наступает рано или поздно такое время, когда вся предыдущая его жизнь, какой бы богатой и полной она ни была, кажется только подготовкой к этому времени — времени расцвета всех сил, всего богатства души.

Таким временем в жизни Ханпаши явились дни великой донской битвы, участником которой он был.

В черном дыму пожаров, в непрерывном гуле орудийной пальбы катилось над придонскими степями грозное знойное лето сорок второго года. И солнце смотрело кровавым мутным глазом на истерзанную, опаленную землю, и душные багряные ночи вставали над землей в неумолкаемом грохоте боя.

В районе Воронежа, в излучине Дона и на юге Красная Армия вела ожесточенные, кровопролитные бои с наступающими немецкими войсками.

В этих боях решались судьбы советской родины. И не было такой жертвы, какой бойцы Красной Армии не хотели бы принести, чтобы отстоять родную землю от врага.

Враг был силен. К началу лета германское командование бросило на южный участок фронта огромное количество войск, тысячи танков и самолетов, под метелку очистив многие гарнизоны во Франции, Бельгии и Голландии. В вассальных странах — в Италии, Румынии, Венгрии, Словакии — Гитлер мобилизовал до 70 дивизий и также бросил их в страшную мясорубку — на южные участки фронта. Стянув все основные силы и резервы, немцы потеснили наши войска и захватили в районе Дона и на Кубани значительную территорию. Напрягая все свои силы, они рвались к Сталинграду, рвались к грозненской нефти.

Но на их пути стояла Красная Армия, стоял советский народ, сплотившийся в едином стремлении — не допустить захватчиков в глубь страны.

В придонских степях, на русской земле, свидетельнице древней славы русского оружия, грянуло невиданное в истории войн сражение. Оно стоило немцам 1 250 тысяч солдат и офицеров, 3 390 танков, 4 000 орудий, 4 000 самолетов — и ничего не дало им...

★

...Снова дни и ночи на марше. Снова дни и ночи в бою. Вихрем летели конники-гвардейцы по донской степи, сражались с врагом, охраняя подступы к Сталинграду. Чтобы облегчить героическую борьбу защитников волжской твердыни, они грудью встречали вражеский натиск и сами наносили врагу сокрушительные удары.

Над раскаленной степью опрокинулось безоблачное, бледное, словно выцветшее от зноя небо, затянутое мутной пеленой дыма и пыли. По неубранным, осыпающимся хлебам сухой горячий ветер гонял отливающие металлом волны...

Ханпаша, укрываясь в некошенной пшенице, не сводил глаз с высоты, обозначенной на карте цифрой 220,0. Высота занята немцами. Оттуда, не умолкая, строчили два станковых пулемета, разрывая своим злобным лаем горячую полдневную тишину.

— Сколько крови пролито, сколько людей побито, а он, гадюка, строчит и строчит! — с злобной досадой пробормотал санитар, подползший к только что раненному бойцу.

Ханпаша взглянул на усталое, почерневшее от зноя и пыли лицо санитара, на раненого и сказал:

— Заставим замолчать!

В этом бою, в районе города Серафимович, Ханпаша командовал взводом пулеметчиков. Когда из строя выбыл его товарищ, командир другого взвода, лейтенант Кущин, Ханпаша принял на себя командование и этим взводом.

— Вперед, лобовым огнем подавить пулеметы противника! — приказал он. И лучше всякой музыки зву-

ли для него очереди двух пулеметов, поливавших ружным огнем высоту.

В бой вступают немецкие минометы. Грохочут взрывы ин. Взлетают в воздух столбы сухой земли, и облака рячей, душной пыли заволакивают все вокруг...

Из пулеметного взвода Ханпаши в строю остался дин боец — Федоров. Ханпаша сам лег за пулемет. Длинные меткие очереди хлестали по высоте, и вскоре дин из вражеских пулеметов замолчал. Но этого мало Ханпаше. Верный своему правилу — итти на сближение противником, он продвигался вперед с пулеметом. Федоров полз следом за ним.

— Товарищ старший сержант, вы ранены! — с тревогой в голосе сказал он, заметив, что Ханпаша волочил ногу, оставляя на земле кровавый след.

— Чепуха, — отмахнулся Ханпаша. И Федоров, поравнявшись с ним, невольно удивился, увидев на лице раненого командира не страдание, а улыбку гневной радости.

Снова яростная длинная очередь — и второй немецкий пулемет замолк, как и первый.

Этого только и ждала наша пехота. С трех сторон двинулась она к высоте. Но вражеские минометы прижали ее к земле.

Пользуясь этим, немцы торопились вылезти из окопов. Под прикрытием минометов они бросились в контратаку, стреляя на ходу из автоматов. Но они не знали, что с фланга у них находился Ханпаша со своим «максимом». Он открыл огонь по цепи наступающих немцев и сорвал контратаку. Немцы бросились бежать, стараясь укрыться от его очередей в искромсанной снарядами и минами роще.

— Получайте, гады, получайте! — кричал по-чеченски Ханпаша, расстреливая бегущих немцев.

Здесь, в донской степи, он мстил ненавистному врагу, подошедшему к рубежам его родной земли. Немцы были

у границы Чечено-Ингушетии, они переправлялись чере
Терек, они ломились в горы, чтобы через них добраться
до Грозного, проложить путь к Каспию...

— Получайте, гады, получайте!

Чеченский народ всегда был свободным. Неужели ж
он, не терпевший над собой никогда никакого хозяина
позволит немцу одеть на себя ярмо рабства?

Вот летит донскою степью на резвом скакуне славны
Асланбек Шерипов в боевой бурке, с обнаженной шаш
кой в руке...

«Привет тебе, Асланбек! Помоги мне истребить вра
гов нашей родины!..» И Асланбек ложится рядом с Хан
пашой за пулемет. Меток глаз Асланбека, тверда его ру
ка. Горе вам, незваные пришельцы.

— Получайте, гады, получайте!

. . . . . .

Вражеские контратаки отбиты. Бой затих. Двести
пятьдесят немцев истребил Ханпаша в этом бою. Он
ничком лежит у замолчавшего пулемета. Вот он медленно
поднял голову.

— Уноси пулемет к своим, — говорит Ханпаша бойцу
Федорову пересохшими губами. И, снова опустив голову,
устало закрывает глаза.

Федоров привел трех бойцов. Ханпашу положили на
плащ-палатку и понесли с поля боя. И Ханпаша уже не
видел мутного безоблачного неба, красного солнца,
опускающегося за край дымной степи, не слышал грома
отдаленной канонады и мирной переклички перепелов в
пшенице.

Он был дважды тяжело ранен в отшумевшем бою.
И силы жизни у него хватило только на то, чтобы за-
кончить бой.

Кончился бой — кончилась и жизнь.

★

«Пишу я, но хотел бы не писать. Из глаз моих текут
слезы, и я не вижу написанного... Две раны получил

аша ..урадилов: одну там, где носят пояс, ую дро. Он был ранен 27 августа. К восьми часам утра умер. Я своими руками схоронил его и ушел пеный...»

Так писал домой, в аул Минай-Тугай, друг Ханпаши аддин Баталов.

Ханпашу похоронили у Волги, положив головой в сту Кавказа. Боевое гвардейское знамя склонилось над могилой.

Письмо Айнаддина пришло в горный аул, где под обвом шумит быстрая река и дрозды перекликаются в ых тополях у мельницы. И для Ханпаши началась вая жизнь — в памяти и любви родного народа. Кто для него подвиги народных героев были моральной мой жизни. Теперь его боевая, славная жизнь стала разцом для молодежи.

В один ряд с бессмертными героями чечено-ингушского народа встал юноша-воин, правнук Мансура, внук амиля, младший брат Асланбека Шерипова. — Герой ветского Союза Ханпаша Нурадилов, истребивший в ях 920 врагов своей родины.

★

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ответ. редактор *М. Тюрин*

Подписано к печати 23/XI 1943 г. Л69595. $1^{8}/_{8}$ печ. л. (?,2 уч.-изд. л.) 60 000 зн, в печ. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 1590. Цена 50 коп.

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК РЛКСМ «Молодая гвардия» Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 50 коп.

Т3 64